

ВОПРОС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН В ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I В 1801-1803 гг.*

Аннотация: Статья посвящена вопросу о складывании программы Александра I по освобождению владельческих крестьян в России в начале XIX вв. и деятельности так называемого Негласного комитета в этом направлении. Статья основана на ряде источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, Александр I, Негласный комитет, либеральная политика.

Проблема, заявленная в заглавии статьи, представляет значительный интерес для исследователя предпосылок крестьянской реформы 1861 г. на дальних подступах к ней. Действительно, царствование Александра I было первым правлением, когда самодержавие непосредственно приступило к освобождению владельческих крестьян от помещичьей власти, так как до него вопрос об этом в законодательстве и политике правительства так не ставился. Его выдвижение в сферу реальной политики было вызвано и экономическими факторами, и опасениями новой пугачевщины, но на первое место мы бы поставили влияние «духа времени», гуманизм, личные либеральные пристрастия монарха и небольшой группы сановников империи, склонявшихся к подобным идеям.

Но этим стремлениям самодержавия противостояла толща дворянского сословия, не желавшего ничего менять в системе крепостного права. Поэтому и действия самодержавия в этот период в данном направлении были ограниченными. Вот что писал об этом Н.В. Басаргин: «Давно уже – в первые годы царствования Александра I – вопрос об уничтожении крестьянского состояния обсуждался передовыми людьми своего времени... Сам император желал этого освобождения, особенно в начале своего правления. Деланы были даже некоторые попытки, окончившиеся ничтожными и ни к чему не ведущими мерами и учреждениями». По словам М.А. Корфа, «Император Александр имел сперва намерение совсем уничтожить крепостное состояние и что в сем смысле приготовлены были разные предположения». Николай I говорил, что «император Александр в начале своего царствования имел намерение дать крепостным людям свободу, но потом сам отклонился от своей мысли, как совершенно еще преждевременной и невозможной в исполнении» [1, 431-432; 2, 14 об.; 3, 59].

Заметим, что именно в первые годы правления Александра I имеет место складывание программы крестьянской «эмансипации» и делаются первые шаги в ее реализации, которые, в основном, были связаны с деятельностью так называемого Негласного комитета. Правда, по словам С.В. Мироненко, Александр оказался не в состоянии выработать определенные представления не только о способах осуществления реформ, «но и о самих их принципах». Убежденный, что «крепостное право есть зло, что отношения помещиков и крестьян не могут более существовать в прежнем виде, он так и не смог даже для самого себя определить принципы переустройства крепостной деревни...». Действительно, как указывал М.М. Бородкин, члены Негласного комитета П.А. Строганов и В.П. Кочубей усматривали в воззрениях императора в ту пору «много туманного и неопределенного, а в его проектах отсутствие порядка и всякого плана. Государь точно «стучался во все двери» и не был уверен в

* © Долгих А.Н.

том, чего хотел». Иное мнение было высказано М.М. Сафоновым, сославшимся на запись цесаревича Александра в особой тетради (датируемую 12 июня 1798 - 1 ноября 1800 гг., впервые опубликованную А. Орельским). Среди мер, предусмотренных в ней, рассматривалось «издание указа, которым бы позволено было всякого рода людям покупать земли даже и с деревнями, но с таким установлением, чтобы мужики тех деревень были обязаны только платить повинность за землю, на которой они живут, и в случае их неудовольствия могли перейти, куда хотят», а «по прошествии времени» можно было бы издать указ, «которым бы повелено было все покупки земель и деревень между дворянами не иметь иначе, как на вышереченном основании». Наконец, позднее предполагалось позволить всякому крепостному, «заплатившему за себя некоторое положенное число денег, пользоваться правами вольного». Таким образом, вопрос ставился им не просто о смягчении участи крепостных, но и о постепенном их освобождении, правда, при этом обходилась проблема наделения их землей. По мнению Сафонова, Александр, осуждая крепостное право ... боялся крутых мер, надеясь «путем медленных и осторожных шагов постепенно прийти к намеченной цели», стремясь «использовать те процессы, которые явочным порядком развивались в экономике России – переход земли путем фиктивных сделок из рук дворянства в руки купцов, государственных и помещичьих крестьян» – и учитывая стремление купцов иметь собственных крестьян. «Легализация этих процессов, отступление от дворянской монополии на землю и крестьян, т.е. даже в некотором смысле расширение сферы деятельности крепостного права с одновременным введением его в известные границы», должно было, по мысли Александра, способствовать постепенной ликвидации крепостничества [4, 65-67; 5, 14; 6, 61-64]. Итак, наследник престола на рубеже веков выдвинул два возможных пути освобождения крестьян: 1) через посредство распространения права владения населенными именьями представителям других сословий с одновременным ограничением прав новых помещиков на крепостных, а в дальнейшем в случае перемены хозяев крестьян давать им право выхода на волю; 2) через введение фиксированной суммы выкупа крепостными свободы. Оба этих положения рассматривались в Негласном комитете.

Первая из этих идей Александра была высказана им на заседании Комитета 4 ноября 1801 г. в процессе обсуждения проекта А.Б. Фока - Н.С. Мордвинова, разрешавшего «тем, кто не находился в рабском состоянии, покупать земли». В проекте предлагалось в целях развития экономики разрешить покупать ненаселенные земли лицам некрепостного состояния. В этой связи император заявил, что, соглашаясь с таким предложением, «он хотел, чтобы у этих тех же людей, в то время как они имели бы способность покупать земли, была также возможность покупать крестьян, которые, обладая людьми, но, будучи недворянами, были бы введены в определенные рамки и не могли бы обращаться со своими рабами так же жестоко, как дворяне, и это могло бы быть большим шагом к их благосостоянию», т.е. «собирался позволить мещанам покупать и землю, и крестьян». Судя по всему, предложение монарха, как минимум, вызвало удивление правительствующего синклита. Как мягко выразился Строганов, «вначале нам показалось, что было бы слишком большим нововведением позволять сразу покупать и земли, и крестьян. С другой стороны, купленные крестьяне, таким образом, обрели надежду, что с новым владельцем их жизнь будет не такой безрадостной. Кроме того, мещане, которые станут владельцами недвижимых имуществ без крестьян, увеличат цену земли и станут извлекать из неё пользу, используя труд крепостных. Земли, которые продавались без крепостных, были бы выгодны для промышленности и увеличили бы свою ценность и стоимость. Его Величество положительно оценил изложенные нами основания». Таким образом, либерал Строганов

фактически перевел обсуждение на другие рельсы – к разрешению некрепостным покупать ненаселенные земли. В дальнейшем к рассмотрению этой проблемы Комитет вернулся лишь 9 ноября 1803 г. Как гордо писал Строганов, «мы добились разрешения купцам покупать деревни с крестьянами таким образом, чтобы последние не были рабами, а служили по свободному контракту у нового хозяина», а также «чтобы были организованы фонды, ссужающие крестьянам деньги для выкупа по согласованию с хозяином». (Речь, видимо, шла о готовившемся издании указа о разрешении купцам, получившим 8-классные чины, покупать деревни и владеть ими на условиях, заключенных с крестьянами (утвержденном монархом 18 октября 1804 г.). Дело этим и завершилось.

Возможно, в связи с этим заседанием Строганов обратился к императору с запиской о расширении права покупки земель с крестьянами. Утверждая, что одним из недостатков «классовой системы» империи было отсутствие личной свободы, автор отмечал, что монарх сделал «важные шаги в этом отношении», но «надо работать упорно, но в то же самое время со спасительной медлительностью», чтобы нейтрализовать волнения, которые могут произвести такие внезапные изменения. Автор упоминал и такую проблему, как отсутствие средств «у малообеспеченного класса», которым правительство, по его мнению, должно оказать финансовую поддержку на условиях ипотеки. Рассматривая идею о распространении права на покупку населенных земель на другие категории населения, он считал, что «ни в коем случае торговцы не могут приобретать на них те же права, как дворяне. Это бы помешало осуществлению благой цели, а именно - упразднению рабства». Взаимоотношения между новым хозяином и крестьянами должны регулироваться особым договором, утвержденным властями. Со стороны крестьян он должен быть подписан «старшим в деревне и несколькими депутатами, чтобы крестьяне не могли отговориться его незнанием». При этом новый владелец имения «должен провести свободный торг между ним и его крестьянами относительно работ, которые он может требовать от них», а правительство должно защитить крестьян «от произвола нового владельца», обеспечив «ему пользование новой землей на некоторое время», а крестьянам дав «право на землю, которой они всегда пользовались». Автор отмечал, что нужно обязать нового владельца в случае, если он не может договориться с крестьянами об условиях их взаимоотношений, дать им паспорта. Данная записка показывает, что идея освобождения крестьян через расширение прав владения населенными имениями на некрепостные категории населения имела хождение в кругу деятелей Негласного комитета, но разрешения в ту пору не нашла [7, 49, 90-91; 8, 47-57, 102-103, 241].

Вторая идея императора была затронута впервые на заседании Комитета 23 июля 1801 г.: императором был представлен крестьянский проект св. князя П.А. Зубова, созданный, видимо, по распоряжению царя. Наряду с мерами смягчения крепостного права, Зубов предложил определить фиксированную цену выкупа дворовыми и крестьянами свободы, таким образом высказавшись уже и о самом освобождении крепостных. Но члены Комитета обратили внимание на то, что его автор стремился к «абстрактным идеям, не разбираясь в состоянии и особенностях нашей страны», а на заседании 29 июля Новосильцев заявил о том, что он и не думал, что монарх принимает проект «всерьез», заявив, что в этом случае крестьяне должны заплатить «слишком большой выкуп помещику за свою свободу», а казна просто не справится с выкупом дворовых». На заседании 4 ноября члены Комитета заметили, что для выкупа дворовых казной в случае, если их владельцы захотели бы их продать, автор проекта указал «недостаточные средства; на такой предмет потребовались бы от казны огромные расходы». На заседании 11 ноября Н.Н. Новосильцев высказался по поводу суммы

выкупа крестьянами свободы с рассрочкой на 6 месяцев (рекрутскими квитанциями или наличными деньгами). Как отмечал Строганов, он сам и Кочубей находили, что этот способ выкупа вначале потребовал бы значительных средств, «чтобы обеспечить нормальное существование крестьян после выплаты ими выкупа, иначе они просто окажутся без средств к существованию... Конечно, из выкупившихся крестьян можно было бы сделать колонистов и перевести их в какую-нибудь специально отведённую местность, но такая мера потребовала бы ещё больших приготовлений и денежных средств, что вызвало бы определённые неудобства». Новосильцев отметил, «что расходы на выкуп не были бы столь большими, как можно себе это представить. Граф Кочубей, князь Чарторынский и я не были не согласны с его точкой зрения». После новых прений на заседании 18 ноября 1801 г. император согласился «отсрочить личный выкуп» крестьянами свободы. Тем не менее, к данному вопросу, хотя и в ином контексте, Комитет вернулся 9 ноября 1803 г. Как писал Строганов, «мы говорили о возможности выкупа крестьян. Было решено отказаться от дарения и найти другой способ возвращения долга казне». Так или иначе, никакого решения на сей счет принято не было [7, 43-44, 49-51, 91; 8, 79, 83, 104, 106-107, 242-243; 9, Т. I, 207-209; Т. II, 164-171].

На заседании Комитета 20 января 1802 г. рассмотрение крестьянского вопроса получило дальнейшее развитие, и эта новая идея пришла извне. Новосильцев заявил, что два лифляндских помещика представили ему «проекты насчет определения прав господ над их крестьянами». В связи с созывом лифляндского ландтага представителями местного дворянства было также высказано пожелание, чтобы «им было дозволено заняться улучшением быта их крестьян, уверяя в согласии на то большей части своих сочленов». По данному вопросу голоса в Комитете разделились. Новосильцев полагал, что для прохождения этих проектов нет препятствий в силу одобрения их монархом, утверждая при этом, что его уверенность подкреплялась и позицией большинства помещиков этого региона», считая, что «рано или поздно надо будет сделать этот первый шаг». Что касается освобождения крестьян, то именно хозяева должны первыми его начать «в одной провинции, которая дала бы пример другим». На остальной территории империи это может иметь некоторый успех, и «если эти владельцы согласятся с нашими условиями и не будут препятствовать нашей дальнейшей деятельности, то можно надеяться на успех нашей реформы». Эти положения были поддержаны А. Чарторыским. Но, как писал Строганов, Кочубей высказал опасения, что из-за сложившейся уже «репутации Императора в отношении его склонности к освобождению крестьян было бы опасно позволять заниматься подобным предметом в одной из провинций Империи», предлагая сначала проконсультироваться с Советом, но ему заметили, что в Совете «вначале были бы, вероятно, против», что создало бы проблемы в реализации проекта и «просто связало бы руки Его Величеству на ранней стадии этой реформы». Как замечал Строганов, «я желал, чтобы эту проблему рассмотрели именно в нашем комитете на одном из заседаний в тесном кругу, а не в ассамблее. Всё-таки лучше, если данный вопрос будет обсуждаться при минимальном количестве людей». Окончательного решения на сей счет принято не было [7, 61-62; 8, 166-168]. Стоит заметить, что, как и в случае с планом Фока-Мордвинова, и здесь инициатива постановки проблемы, связанной с улучшением положения крепостных, не принадлежала членам Комитета (хотя, например, у Кочубея, были наработки в этой сфере), но они развили ее, выдвинув здесь впервые план постепенного («погубернского») освобождения крепостных, следствием чего стало начало реформ в Прибалтике, завершившихся в 1816-1819 гг. безземельным освобождением крестьян в этом регионе.

Кроме этих основных направлений решения крестьянского вопроса, уже в начале царствования Александр выдвинул и другую мысль – не жаловать больше в час-

тные руки крестьян. Эту идею он начал осуществлять, тем более что здесь никто не мог покуситься на его прерогативы в этом отношении. Так, на заседании Комитета 29 июля 1801 г., в связи с грядущей коронацией, монарх заявил, что «никому не даст крестьян, и что в этом отношении он не отступит от принятого им намерения». Подобные заявления делались им в то время неоднократно. В целом, надо признать, что он остался верен этому завету, и после 1801 г. в России крестьян в частные руки уже не жаловали [7, 44; 8, 82-83]. Наконец, не забудем и введение указом 20 февраля 1803 г. категории вольных хлебопашцев, последовавшее после получения императором записки графа С.П. Румянцева. Заметим, что самый крупный и наиболее реальный проект освобождения крепостных с землею пришел также со стороны, не был выношен предварительно монархом и не обсуждался в Негласном комитете.

Подводя итог сказанному, стоит заметить, что в начале правления Александра I впервые в истории российского самодержавия был в принципе поставлен вопрос о грядущем освобождении крепостных как проблема текущей политики. Отметим, что в эти годы были намечены и конкретные пути крестьянской эмансипации. Речь идет об отказе от пожалования государственных крестьян в частные руки, о введении фиксированной суммы выкупа крепостными свободы, о личном освобождении владельческих крестьян через посредство покупки населенных имений недворянами, о возможном «погубернском» освобождении при согласии на то дворянства регионов, наконец, об освобождении крепостных с землею по закону о вольных хлебопашцах. При этом некоторые из идей были выношены самим монархом и предложены членами Негласного комитета, а другие пришли со стороны. Несмотря на малые итоги деятельности императора Александра и его «молодых друзей» в этой сфере (что явствует из предшествующего текста статьи), налицо было изменение самого отношения властей к данной проблеме. Мы присоединяемся к мнению В.А. Писемского о том, что «именно в этот период выработался общий подход Александра I к осуществлению любых преобразований в области крепостнических отношений». Вместе с тем в эти годы для императора и его окружения стало ясно, сколь сильно будет сопротивление крепостников любым преобразованиям в этой сфере. По своей природной нерешительности, а также постоянно помня о судьбе своего отца, Александр не мог пойти на открытое столкновение с большинством правящего сословия. Поэтому определяющей линией его политики в данной сфере в течение его дальнейшего правления «стало ожидание инициатив со стороны самого дворянства» [10, 45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Изд. подг. И.В. Порохом. Иркутск, 1988.
2. Записка барона М.А. Корфа «Историческое обозрение устройства сельского состояния в России» 1847 г. // ГА РФ. Ф. 722 (Мраморный дворец). Оп. 1. Д. 223 (1847 г.).
3. Сборник РИО. Т. 98. СПб., 1896.
4. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
5. Бородкин М.М. История Финляндии. Время Императора Александра I. Т. 4. СПб., 1909.
6. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988.
7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I. Т. 1. СПб., 1869. Приложения. 2-я паг.
8. Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. СПб., 1903.
9. Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сб. документов: В 2 т. / Подг. мат., введ. ст. и коммент. А.Н. Долгих. Липецк, 2005.
10. Писемский В.А. Отмена крепостного права в России. На дальних подступах к реформе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5.

A. Dolgikh

QUESTION ON CLEARING POSSESSION PEASANTS IN ALEXANDER'S I POLICY IN 1801-1803 YEARS

Abstract: The question of the forming of Alexander's The First programme directed to the emancipation of the possession peasants in Russia at the beginning of the XIX-th century, and to the so called Private Committee in that direction. The article is based upon the wide range of sources some of which have been brought in scientific resource for the first time.

Key words: The serfdom, state peasants, Alexander I, Private committee, the liberal policy.